

Оглавление

Введение. Низовые инициативы в языковой политике	9
Глава 1. Образовательные проекты в школе и вокруг нее	22
1.1. Сохранение и ревитализация миноритарных языков.....	22
1.2. Законодательство в области языковой политики и положение языков Российской Федерации.....	29
1.2.1. Тенденции в языковой политике и планировании в России.....	29
1.2.2. Сохранность миноритарных языков Российской Федерации	33
1.3. Миноритарные языки в школе	35
1.3.1. Роль школы в сохранении миноритарных языков	35
1.3.2. Экспериментальные программы в школе	39
1.4. Образовательные инициативы вне школы.....	43
1.4.1. Курсы для взрослых и детей.....	43
1.4.2. Летние языковые лагеря	49
1.4.3. Модели «языковое гнездо» и «мастер-ученик»	51
1.5. Учебники и пособия.....	54
1.5.1. Методические комплексы и пособия.....	54
1.5.2. Онлайн-проекты для изучения языка	57
1.6. Заключение к главе 1.....	60
Глава 2. Тексты на миноритарном языке	62
2.1. Какие тексты возникают на миноритарном языке?.....	62
2.2. Кто меняет язык и определяет языковую норму?.....	65
2.2.1. Корпусное и статусное планирование в российском контексте	65

2.2.2. Орфография	68
2.2.3. Вариативность в миноритарных языках	70
2.3. Документация миноритарных языков	75
2.4. Миноритарные языки онлайн	80
2.4.1. Компьютерно-опосредованная коммуникация и многоязычие	80
2.4.2. Особенности миноритарного языка в Интернете	89
2.5. Онлайн-контент	91
2.5.1. Литература, форумы, блоги	91
2.5.2. Информация на миноритарном языке: подкасты и Википедия	93
2.5.3. Мобильные приложения на миноритарных языках	95
2.6. Заключение к главе 2	97
Глава 3. Вокруг языка: популяризация через арт-проекты	98
3.1. Глобализация и коммодификация языка	98
3.2. Материальное воплощение языка: мерч и языковой ландшафт	103
3.2.1. Сувениры и дизайн	103
3.2.2. Языковой ландшафт	107
3.3. Празднование языка: фестивали и этнографические деревни	114
3.4. Нарисовать язык: комиксы и мастер-классы по рисунку, настольные игры	118
3.5. Популяризация миноритарного языка через импровизационные жанры	123
3.5.1. Хип-хоп и многоязычие	123
3.5.2. Стендап-комедия и тамада	127
3.6. Кино и видеоролики	130
3.6.1. Мультипликация и другой контент для детей	130

3.6.2. Кинофильмы	132
3.6.3. Videоблоги, ролики, клипы	134
3.7. Заключение к главе 3	138
Глава 4. Языковое планирование для «групп вне территории»	140
4.1. Многоязычный город и суперразнообразие	140
4.2. Преподавание русского языка взрослым и детям с миграционной историей	145
4.2.1. Официальная языковая политика в отношении мигрантов	145
4.2.2. Региональные инициативы и политика отдельных школ	151
4.2.3. Преподавание русского языка силами НКО	155
4.2.4. Каким может быть языковое планирование для детей-инофонов?	160
4.3. Диаспоры: миноритарные языки в городе	162
4.3.1. Состав групп и юридическое положение	162
4.3.2. Как поддерживают языки диаспор?	163
4.3.3. Миноритарные языки за пределами республик	166
4.4. Языки мигрантов в популярной культуре	168
4.4.1. Творчество на языках мигрантов	168
4.4.2. Использование элементов языков диаспор в популярной музыке	170
4.4.3. Русский язык с акцентом, стендап и индустрия КВН	172
4.5. Заключение к главе 4	175
Глава 5. Кто участвует в языковых проектах?	177
5.1. Кто может влиять на языковую политику на низовом уровне?	177
5.2. Биографические траектории языковых активистов	181
5.2.1. Профессионалы: образование и культура	181

5.2.2. <i>Заинтересованные участники и языковые активисты</i>	183
5.2.3. <i>Администраторы</i>	188
5.3. Новые говорящие как участники языкового планирования	190
5.3.1. <i>Новые говорящие в разных странах</i>	190
5.3.2. <i>Языковые биографии: новые говорящие или новые старые?</i>	195
5.4. Взаимодействие разных участников	202
5.5. Заключение к главе 5	207
Заключение	209
Список литературы	211
Список анализируемых языков и территория распространения	236

Введение

Низовые инициативы в языковой политике

Очень кратко о языковой политике. Когда я впервые задумалась над этой книгой, я предполагала написать о языковой политике (далее ЯП) в России и одну из глав посвятить микроуровню языкового планирования. Но о ЯП в традиционном понимании, особенно на федеральном уровне, — сколько школ проводят занятия на миноритарном языке, какие уроки, учебники, средства массовой информации и т.д. — уже существуют интересные работы, хотя, безусловно, многие аспекты еще предстоит описать. В то же время об инициативах, имеющих локальный или даже индивидуальный характер, публикаций практически нет.

В последние годы во многих регионах России отмечается всплеск языкового активизма. Эти инициативы направлены на возрождение или поддержку миноритарных языков, помощь в изучении исчезающих языков для желающих, обычно как раз из числа молодых людей, не (полностью) владеющих «родным» языком. На региональном уровне возникают разнообразные инициативы при поддержке местного бизнеса, администрации или отдельных институтов. Значит ли это, что такой уровень языкового планирования существует параллельно с общей языковой политикой государства и не связан с ней? Разумеется, нет. Локальные инициативы все равно находятся под влиянием общих процессов, но развиваются преимущественно благодаря усилиям конкретных людей, за которыми иногда находятся, а иногда нет, институции. Таким образом, здесь пойдет речь о том, какие практики сохранения языка существуют кроме официальных — вместе с официальными, вместо них или кроме них.

В России языковые проекты также возникают¹, но большинство публикаций о языках РФ рассматривает именно вопросы законодательства и государственных инициатив. Что происходит с поддержкой миноритарных языков за пределами государственной политики? Что получается, когда сохранением языков обеспокоены не политики, а гражданское общество, прежде всего сами носители? Разумеется, «большая» языковая политика политиков влияет на инициативы по сохранению миноритарных языков, однако здесь я хочу показать, что делают сами участники.

Прежде чем переходить к историям языковых проектов, я хотела бы оговорить некоторые термины и подходы. Прежде всего, само понятие *языковой активизм* не всегда используется самими участниками. Некоторые люди называют себя активистами, тогда как другие не используют этот термин, например, потому, что они оценивают свою деятельность не как общественную работу, а как ответственность перед семьей и предками. Однако для того, чтобы обозначить всех людей, которые занимаются поддержкой миноритарных языков, хотя это не входит в их обязанность *ex officio*, данный термин подходит, так как, во-первых, значительная часть респондентов применяет его к себе, а во-вторых, он не вызывает негативных эмоций и у тех, кто так себя не называет.

Несколько сложнее обстоит дело со вторым термином в подзаголовке книги — *миноритарные языки*. Как именно называют разные языки, кроме русского, на которых говорят в Российской Федерации? Европейская хартия указывает статус региональных языков или языков меньшинств (European Charter for Regional or Minority Languages). Применительно к российскому контексту говорят о языках РФ, коренных языках или языках республик. Другой термин связан со статусом языка, например *языки, находящиеся под угрозой исчезновения*. Применительно к языкам малочисленных групп пишут о *малых языках*. Все эти термины приняты и достаточно понятны, однако не совсем подходят для целей данной книги: я рассматриваю не только языки, на которых говорят ис-

---

¹ См. о некоторых из них: [Алос-и-Фонт, 2019; Алексеев, 2019; Харитонов, 2019; Mikhaylova, 2021; Yusupova, 2023].

ключительно в России и больше нигде, но и языки диаспор. Такие языки, как татарский, не находятся под угрозой исчезновения и не являются языками малочисленных групп. Название *малые языки* также кажется мне не слишком удачным из-за предполагаемой иерархии. В заимствованном определении нет оценочности; *миноритарные*, т.е. языки меньшинств, не составляющие большинство в России (хотя, возможно, являющиеся доминирующим языком в одном из регионов или в другом государстве)²; Х. де Корн отмечает, что этот термин связан не с объективным положением языка, а именно со статусом относительно других идиомов [de Korne, 2021, р. 3]. И именно этот термин я буду использовать в книге.

Наконец, для пояснения того, почему я говорю о «языковой политике без политиков», нужно отметить несколько важных теоретических моментов. В последние десятилетия произошли существенные изменения в понимании ЯПП (ЯПП — языковая политика и планирование) с точки зрения инициаторов процесса, направленности и одновременности действий и уровня, на котором происходят преобразования. Эти изменения объекта исследования, о которых чуть подробнее сказано ниже, тесно связаны с изменением методов или, в более широком смысле, оптики исследователей: в центре внимания находится не универсальная теория ЯПП, предполагающая нормативность в постановке задач и критерии успешности, а этнографическое описание конкретных случаев [Hornberger et al., 2018; McCarty, 2011; Hornberger, Johnson, 2007]. Рассмотрим три часто обсуждаемых момента: **направление изменений, разнонаправленность действий, уровни и возможные акторы ЯПП.**

В классических социолингвистических подходах инициаторами языковой политики по умолчанию признавались официальные институты, фактически — государство ([Хауген, 1975] и др.). Другие участники рассматривались прежде всего как объект приложе-

---

² Я опросила знакомых, а также участников одной из групп в социальной сети об отношении к терминам «малый/миноритарный язык». Лишь несколько человек, возможно более чувствительных к номинациям, отметили, что в слове «миноритарные» тоже видят некую связь с *малостью*, поэтому оставлен этот термин и прошу прощения у тех, для кого он не является нейтральным.

ния усилий инициаторов языковых изменений, хотя их одобрение влияло на успешность ЯПП, в частности кодификация по Э. Хаугену включает принятие изменений сообществом (*имплементация*). Таким образом, ЯПП рассматривала прежде всего инициативы **сверху вниз** (*top-down*).

В современных подходах учитываются, во-первых, разные области применения и уровни ЯПП, а во-вторых, рассматриваются не только изменения сверху, но и **снизу вверх** (*bottom-up*). Исследования многоязычия «снизу вверх» и внимание к низовым инициативам дают новый взгляд на привычные процессы в ЯПП. Например, в исследованиях языкового ландшафта направление коммуникации *bottom-up* предполагает больший набор используемых языков [Ben-Rafael et al., 2006]. На примере изменений языкового ландшафта (ЯЛ) в Уэльсе и регионе Тешин в Польше [Sloboda et al., 2010, p. 110–111] подчеркивают, что «обычные» люди, не включенные в правительство, и краткосрочные слабоскоординированные акции или жалобы жителей влияют на ЯЛ.

Языковое планирование **не монолитно**, если мы рассматриваем разные уровни, на которых принимаются разнообразные текущие решения, обусловленные конкретными задачами в данной сфере. Институты или даже индивиды, определяющие правила выбора языка в перечисленных контекстах, обладают разной властью, однако вместе они вносят вклад в систему отношений между языками в данном обществе. Их действия могут взаимно дополнять друг друга или практически не пересекаться. Б. Спольски рассматривает модели выбора языка на рабочем месте, в церкви и в религиозных сообществах, в медицинских и образовательных организациях, в судах или армии и предлагает для всех этих ситуаций использовать понятие «языкового менеджмента» [Spolsky, 2003; 2009].

Работы, посвященные языковому планированию в определенных сферах (например, церковь или судопроизводство), дают интересные результаты. В разных языковых ситуациях и культурных и религиозных контекстах сходные задачи использования языка приводят к формированию общих черт, например стабильности религиозного кода [Fishman, 2006]. Э. Лиддикот предлагает рассматривать практики коммуникации в религиозной сфере с точки

зрения разных задач, следовательно, разных способов взаимодействия с паствой — сакральности и ясности [Liddicoat, 2012, p. 122].

Б. Спольски разделяет языковую практику (собственно уровень использования языков), ценности, которые стоят за этим выбором, и собственно языковой менеджмент как способ организации или управления этой практикой [Spolsky, 2009, p. 4]. Однако в подобных исследованиях часто сложно различимы собственно языковое планирование и стихийно складывающиеся языковые практики, обусловленные специальными задачами в данной области. Правила использования языка формируются с учетом преимущественно неязыковых задач, как можно видеть, например, в области использования языков в армии, в частности в воинских частях НАТО [Kelly, 2019] или Французского легиона и других подразделений в Боснии и Герцеговине [Kelly, Baker, 2013]. Другой случай представляет собой языковая политика университетов [Liddicoat, 2016], которые, как участники международного научного процесса, часто ориентированы на партнерские академические организации в мире больше, чем на принятые практики в языковом планировании в регионе. Примером исследования того, как многоязычие и ЯПП в стране проявляются на институциональном уровне, может служить описание правил использования разных языков в больницах в условиях многоязычия ЮАР [Penn, Watermeyer, 2018].

Понимание того, что ЯПП реализуется разными участниками, часто обладающими собственными интересами и представлениями о том, каковы должны быть цели ЯПП, предполагает внимание к деталям: локальному уровню администрирования или **микроуровню** ЯПП [Davies, Ziegler, 2015; Liddicoat, Taylor-Leech, 2014; Baldauf, 2006]. В рамках этого подхода часто рассматриваются корпоративные правила выбора языка на рабочем месте в международных компаниях [Tange, Lauring, 2009; Nekvapil, Nekula, 2006], а также в упоминавшихся выше исследованиях языка в армии и других сферах деятельности.

Итак, эта книга посвящена языковым проектам и языковым активистам. Почему эта тема стала актуальной именно сейчас? Во-первых, в последние годы можно наблюдать бум разных язы-

ковых проектов, отчасти под влиянием развития современных технологий и способов коммуникации. Ревитализация языков РФ стала более масштабным явлением и, одновременно, стала заметна прежде всего с широким распространением доступа в Интернет в российских регионах. Это не значит, что данные инициативы существуют только в виртуальном пространстве, но распространение Интернета, безусловно, расширило аудиторию и привело к взаимодействию разных проектов по возрождению миноритарных языков. Например, бесплатные курсы калмыцкого языка при хуруле существовали почти 10 лет до того, как в 2016 г. видеозапись уроков стала доступна на YouTube. Это означало, что гораздо большее количество людей получило доступ к ним, а организаторы других курсов миноритарных языков учитывали этот опыт. Во-вторых, в последние годы происходят существенные изменения в официальной языковой политике, и языковые проекты активистов реагируют на эти трансформации.

Этика исследования. Основной материал книги — интервью, поэтому один из важных вопросов касается исследовательской этики и предоставления данных. Во-первых, анонимизация для языковых проектов работает очень плохо, поскольку для большинства языков крайне ограничено число активистов и их достаточно легко опознать всем, кто имеет дело с этим материалом. Во-вторых, значительная часть книги базируется на материалах онлайн-коммуникации, для которой критерии не сложились или меняются вместе с техническими средствами. В случае с лингвистическими данными (анкетами или текстами) или социолингвистическими и антропологическими интервью существуют сложившиеся традиции, не говоря уже о формальных процедурах информированного согласия, менее распространенных в российской традиции, но относительно недавняя практика онлайн-исследований пока не позволяет опереться на привычные решения. Существуют разные представления о необходимости получать согласие при использовании онлайн-данных. Согласно одному подходу, «авторы блогов (не защищенных паролями) не имеют обоснованных ожиданий, что их приватность будет защищена» [Grodzinsky, Tavani, 2010, p. 45], так как если мы изучаем публи-

кацию, текст, а не личность, то система стандартов персональных данных не работает [Wilkinson, Thelwall, 2011]. Согласно другому подходу, онлайн-коммуникация, несмотря на свою открытость, все же остается отчасти приватным общением [Kozinets, 2010] (см. обсуждение в [Hooley, Marriott, Wellens, 2012]). Личные сообщения являются безусловно приватными; туда же примыкают, например, реплики в коллективном чате, требующем регистрации (и в таком случае я стремилась не использовать эти данные или использовать их только с разрешения участников и анонимно). И наоборот, максимально открытыми являются произведения искусства (песни, фильмы, скетчи), даже выложенные в персональных блогах, — и в таких случаях сам факт публикации дает возможность анализировать эти материалы без дополнительного разрешения и предполагает сохранение авторства и ссылки на страницы в Интернете. Значительная часть случаев оказывается посредине между этими крайними точками. По возможности (в том числе технической — возможности связаться с пользователем, оставившим комментарий на форуме) результатом должно быть взаимодействие с собственными представлениями участников о публичном или приватном контенте [Sugiura et al., 2016, p. 1].

Этическая сторона публикации данных предполагает переговоры, а не набор готовых (и непременно юридически закрепленных) решений [Mustajoki, Mustajoki, 2017]. Позиции участников могут отличаться от ожиданий исследователя как в одну, так и в другую сторону. Например, привыкнув в тому, что все анонимизируется, я обнаружила, что некоторые активисты и представители НКО не считали необходимым анонимизировать название организации и даже подчеркивали, что это публичная деятельность и они гордятся ею. В то же время недостаточно анонимизированной может быть пространная цитата, по которой легко отыскать автора, фото и даже карта. Вопрос еще в том, как используется материал: возможно, автор выложил в сеть свою позицию и готов(а) обсуждать ее, но не предполагает, что исследователь будет анализировать лексическое разнообразие или оценивать уровень владения языком.

В случае более «приватных» аккаунтов или ключевых для данной работы проектов я спрашивала разрешения (у участников,

которых часто интервьюировала), уточняла позицию по поводу анонимизации либо открытости проекта или аккаунта. Принимая участие в стримах или других видах коллективной активности, также по возможности сообщала о том, что я исследователь. Выложенные записи онлайн-конференций или публичные посты с рассказами о разных проектах оценивались как «скорее публичные», однако в условиях более «приватного» характера коммуникации, например онлайн мастер-класса или встречи языкового клуба, я старалась уточнить у участников (если была техническая возможность с ними связаться), можно ли использовать эти данные для анализа. Авторов комментариев на форумах или в блогах я по умолчанию анонимизировала и не пыталась связаться дополнительно. Я не привожу ниже ссылки на блоги или другие источники, содержащие фото- и видеоизображения людей (кроме специально снятых роликов, фильмов, спектаклей и т.п.). Сложившиеся технические решения являются своего рода компромиссом между стремлением оградить частную жизнь респондентов и принятыми внутри академического сообщества практиками «подтверждать» свои данные и показывать живой материал.

Содержание и ограничения исследования. Книга организована следующим образом. Первая глава посвящена сохранению языка через образовательные практики. Хотя школьное преподавание и является самым заметным способом поддержки миноритарных языков, в том числе в глазах самого сообщества, эффективность традиционных форматов для изучения как иностранных языков, так и родных иногда ставится под сомнение. Консерватизм существующих методик в области изучения языков, а также самой формы урока приводит языковых активистов к поиску других способов обучения и изучения миноритарных языков. В частности, рассматриваются такие формы, как экспериментальные школьные программы, курсы для взрослых, летние языковые лагеря и система «языковых гнезд».

Вторая глава описывает создание или сбор текстового контента на миноритарных языках, в том числе в рамках проектов по документации языка, созданию литературных произведений или ведению блогов. Письменное использование в разной степени ха-

рактарно для разных языков РФ: некоторые из них называют младописьменными [Бурыкин, 2002; Письменные языки, 2003], еще недавно они существовали преимущественно в устной форме, тогда как другие имеют длительную литературную традицию. Несмотря на то, что литературный письменный язык не является, строго говоря, необходимым условием сохранения идиома, современные проекты ревитализации часто работают с письменными формами, в том числе в Интернете.

В третьей главе собраны разные инициативы, лишь отчасти имеющие языковое наполнение (дизайн, вывески, комиксы, музыка или видео), но привлекающие внимание к миноритарному языку и создающие ощущение интересной и активной культурной жизни сообщества. Благодаря этому культурному контексту, возникает возможность провести время с друзьями за настольными играми на родном языке или сходить на вечер стендапа, что привлекает молодых горожан.

Четвертая глава посвящена тому, как устроена поддержка миноритарных языков вне регионов традиционного проживания — как языков РФ за пределами тех регионов, где они имеют официальный статус, так и диаспор из других стран. Почему в книге о ревитализации языков России появились разделы о языковых проектах для мигрантов, направленных на изучение русского или поддержку родных языков? Хотя на первый взгляд перед организаторами занятий русским языком для детей-инофонов стоят несколько иные задачи, методы и участники этих проектов во многом сходны с инициативами языковых проектов для языков России. В их работе используются те же механизмы самоорганизации языковых активистов в областях, где государство не(достаточно) участвовало или его участие имело неоднозначный эффект. Кроме того, для меня важно, что все языки, на которых говорят множество семей, нуждаются в поддержке — без разделения на «коренные» и другие. Понятие «языкового гражданства» или «социолингвистического гражданства» предполагает, что языковые права есть у всех индивидов, которые в каком-то пространстве говорят на разных вариантах языка, в том числе диалектах или нестандартных кодах [Rampton et al., 2018].

В пятой главе я обращаюсь уже не к проектам как таковым, а к людям, которые стоят за ними, и рассматриваю биографические траектории языковых активистов и владение языком. Поскольку уровень владения многими языками РФ в младших возрастных группах ниже, то языковые компетенции молодых горожан часто ставятся под сомнение. Некоторые являются «новыми говорящими», т.е. выучили язык не в детстве в семье, а иным образом, например на курсах или самостоятельно. Поскольку проекты по сохранению и возрождению миноритарных языков будут приводить к увеличению не прямых способов овладения языком, вопрос о легитимности положения новых носителей достаточно важен для будущего миноритарных языков.

Книга имеет подзаголовок «Языковой активизм и миноритарные языки в России», но, разумеется, она ни в коей мере не претендует на полноту описания всех языковых проектов. Как уже упоминалось, я старалась в качестве центральных кейсов отобрать те языки, которые в некоторой степени знаю, и, несомненно, это определило структуру книги. С 2006 г. я занимаюсь разными аспектами грамматики калмыцкого языка и языковой ситуацией в Калмыкии, регулярно бываю там в экспедициях. В 2017–2019 гг. участвовала в экспедициях в Чувашию (в рамках студенческих экспедиций НИУ ВШЭ под руководством М. Холодиловой). Выбор других языков был обусловлен как знанием контекста (например, я достаточно давно слежу за языковой ситуацией в Бурятии), так и особенностями инициатив для этих языков. Это привело к перекосу в сторону более заметных в онлайн-пространстве языков и проектов, хотя я постаралась разнообразить случаи, например включить и относительно крупные, и совсем малочисленные языки. Кроме того, многие языковые активисты занимаются не одним, а несколькими языками и в интервью делились не только опытом участия в проекте, о котором я собиралась писать, но и другими похожими или несходными кейсами, сравнивали их. Предварительно я рассматривала калмыцкий, чувашский и бурятский как центральные кейсы, для которых сочетаются наблюдения в течение разных периодов времени, интервью с участниками и собственно лингвистический анализ. Удмуртский, марийский, якутский, карельский, эвенкийский, татарский языки

представлены в интервью с организаторами проектов от официальных институтов, языковыми активистами, популярными людьми и «простыми» участниками, а также наблюдениями за онлайн-коммуникацией. Еще несколько языков упоминаются в конкретных разделах книги, например башкирский, мансийский, хантыйский, вепсский, эвенский, а также языки мигрантов — азербайджанский, киргизский, таджикский, узбекский (см. Список анализируемых языков и территория распространения).

Эта книга построена на историях языковых проектов, рассказанных их участниками, а также моих офлайн- или онлайн-наблюдениях за развитием этих инициатив. Это значит, что за редкими исключениями я не смогу показать реальную востребованность проектов по сохранению миноритарных языков или отношение к ним в сообществе, хотя там, где этот контекст был доступен, я старалась включать комментарии «простых носителей», отзывы слушателей курсов или летних лагерей и т.д.

Мне немного тревожно писать и публиковать эту книгу, поскольку многие участники проектов — мои коллеги, знакомые, люди, которых я могу или была бы счастлива назвать своими друзьями. Однако эта книга — не апологетика. Возможно, кто-то из них обнаружит неточности в тексте — я старалась проверять устную историю проектов в интервью с разными участниками по выступлениям коллег, публикациям в соцсетях, однако, разумеется, несу полную ответственность за все оставшиеся ошибки и неточности. Возможно, герои этой книги будут не полностью согласны с интерпретациями или видят ситуацию иначе — даже наверняка, потому что некоторые активисты рефлексиируют и осмысливают свои проекты в рамках академической социолингвистики и/или публичных выступлений и популяризации миноритарных языков. Иногда респонденты не вполне согласны между собой или пристрастны; и я пристрастна тоже. В книге по возможности объединены разные голоса, а общая структура выросла из сравнения разных кейсов.

Благодарность. Этот раздел для данного текста больше чем просто выражение признательности. Прежде всего я благодарна всем респондентам, которые нашли время рассказать о своих про-

ектах. Я хотела бы выразить признательность и тем, кто не связан напрямую с тематикой этой книги, но принимал меня в Калмыкии и Чувашии и делился знанием своего языка.

Я чрезвычайно обязана читавшим и комментировавшим отдельные главы книги или черновой вариант текста целиком: Николаю Борисовичу Вахтину, Ксении Викторовой, Кристиану Пишлегеру, Капитолине Федоровой, Василию Харитонову, Артему Федоринчику, Гузели Юсуповой. Ваши советы и соображения помогли сделать этот текст лучше.

Часть книги основана на идеях, которые мы с Капитолиной Федоровой представляли на конференциях или публиковали в совместных статьях. Мои разделы этих текстов в любом случае являются результатом плодотворного сотрудничества, обсуждения и правки. В конкретных разделах будут сноски, но глава о преподавании «некоренных» языков или помощи в изучении русского языка мигрантам тесно связана со статьей в соавторстве с Анной Тер-Сааковой и Капитолиной Федоровой о московских негосударственных организациях, помогающих мигрантам [Baranova, Fedorova, Ter-Saakova, p. 221, forthcoming], а замысел этой статьи, в свою очередь, связан с рассказами Полины Ключниковой о ее интервьюировании волонтеров, преподающих русский язык детям-инофонам [Kliuchnikova, 2018]. Если говорить об исследовании языка и миграции, то я благодарна коллегам из Лаборатории социологии образования и науки НИУ ВШЭ и участникам проекта РФФИ «Языки Москвы» при ИЯ РАН. Книга частично подготовлена в рамках проекта 20-01-073 «Многоязычие и миноритарные языки РФ в контексте языковой политики на микроуровне: языковой активизм онлайн и офлайн» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2020–2021 гг.

Я хочу поблагодарить всех студентов разных курсов по социолингвистике, которые я читала в НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ — Москва и Европейском университете в Санкт-Петербурге и в ходе которых в 2017–2021 гг. часто поднимала важные для этого исследования идеи. Кроме удовольствия обсуждать эти темы с заинтересованными слушателями, ваши вопросы, советы,

упоминание важных современных кейсов, так же как скепсис по поводу отдельных соображений, были той плодотворной средой, из которой выросли формулировки этой книги. Юлия Аджигитова, Федор Алексеев, Лейсан Гарипова, Елена Гущина, Вячеслав Иванов, Юмжана Лхасаранова, Екатерина Михайлова, Мария Сорокина, Динара Степина (Сатанова) и другие коллеги, спасибо большое. Некоторые бакалаврские и магистерские работы, которыми я имела счастье руководить, цитируются в книге.

Теория и терминология. Еще один важный момент связан с тем, что я очень хочу, чтобы этот текст был интересен не только лингвистам, но и педагогам, практикам языкового планирования и всем, кто интересуется миноритарными языками. Хотя здесь нет инструкции о том, как создать успешный языковой проект, я хотела показать, что оказывается эффективным в современном мире для сохранения языков. С целью сочетать интересы разных читателей я оставила теоретический контекст во вводных разделах к главам, так что те, кому интереснее сам процесс ревитализации, могут сразу читать другие части, наполненные конкретными историями увлекательных проектов и цитатами из интервью с теми, кто непосредственно вовлечен в эту работу.

Для неспециалистов будут полезны определения нескольких терминов, которые я использую на протяжении всей книги (более частные понятия обычно сопровождаются пояснением в тексте). Прежде всего это упоминавшееся выше понятие «миноритарный язык», а также еще несколько важных терминов.

Идиом — любой языковой вариант, безотносительно к статусу языка или диалекта.

Интерференция — влияние одного языка, обычно родного для человека, на другой.

Инофоны — люди с родным языком, отличающимся от доминирующего.

Доминирующий язык — тот язык, на котором говорит большинство населения региона, обычно имеет официальный статус.

Эритажный язык — «унаследованный», семейный язык, но при этом человек может знать его в меньшем объеме, чем доминирующий.

Глава 1

Образовательные проекты в школе и вокруг нее

В этой главе будут рассмотрены разные типы образовательных инициатив по сохранению миноритарных языков в российском контексте с учетом языковой политики и планирования государства относительно сохранности миноритарных языков.

1.1. Сохранение и ревитализация миноритарных языков

Сам термин *ревитализация*, или *возрождение*, предполагает, что мы имеем дело с далеко зашедшим случаем языкового сдвига, т.е. начинаем движение от точки, близкой к исчезновению идиома, — в противном случае аналогичные меры называют *поддержкой* или *сохранением языка (maintenance)*¹. Однако эти границы достаточно условны: действия и в том и в другом случае во многом близки, а ревитализацией называют и меры поддержки для языков, на котором говорят несколько человек, и мероприятия, направленные на возрождение ирландского гэльского в Ирландии, которым владеют в какой-то степени более 1,5 млн человек.

---

¹ Вне зависимости от терминологии не вполне ясно, нужно ли разграничивать эти две области. В случае с некоторыми языками очевидно, что происходит восстановление утраченных функций, но многие миноритарные языки никогда не имели их прежде, например письменной традиции. В то же время на практическом уровне часто удобно разделять идиомы на группы, для которых реалистичными будут те или иные задачи.

Описание процесса постепенного вытеснения миноритарного языка доминирующим перенасыщено метафорами: мертвый язык, языковая смерть, лингвоцид и т.д. [Головко, 2015, с. 9], и так же символически насыщены названия обратного явления, позволяющего «обратить вспять» языковой сдвиг, — ср. название книги *Reversing Language Shift* [Fishman, 1991]. Л. Хинтон вместо уже привычных номинаций «умирающего языка» и «возрождения» использует метафору «спящих языков» [Hinton, 2001] и «пробуждения» языков при ревитализации [Hobson et al., 2010]. За этими номинациями стоит идея о скрытых ресурсах использования языка в сообществе, которые позволяют существенно расширить их употребление.

Почему начинается это движение, **кто его инициаторы**, а также **как изменяется язык** в результате такой деятельности?

Сложно выделить универсальные **причины** возрождения языка и успешности этого движения. В каком-то смысле успех или неудача ревитализации параллельны утрате языка, и я следую подходу Н.Б. Вахтина, согласно которому

по-видимому, единственный ответ на все эти бесчисленные вопросы, единственный «общий знаменатель», под который можно подвести все случаи языкового сдвига, это ответ, кажущийся с виду очень наивным: люди перестают говорить на титульных языках потому, что перестают считать это для себя нужным, — попросту говоря, *потому что не хотят* [Вахтин, 2001, с. 230].

Это желание говорить на миноритарном языке не всегда совпадает с дискурсом о значимости языка как части идентичности. Лингвистам известны как удачные случаи ревитализации под лозунгами ценности языка, так и — к сожалению, многочисленные — сообщества, в которых представления о необходимости поддержки языка расходятся с повседневной практикой выбора языка. Само по себе убеждение в ценности родного языка и необходимости его сохранения может не привести к значимым следствиям для языковой ситуации, если носители языка не готовы участвовать и проявлять инициативу. Как отмечают Н. Дауэнхауэр и Р. Дауэнхауэр, на вопрос «*Действительно ли мы хотим сохранить язык?*» — политически и эмоционально верным будет решительный ответ «Да!», но это

«да» означает, «что кто-нибудь сохранит язык и культуру для нас» [Dauenhauer, Dauenhauer, 1998, p. 63]. Значимым фактором оказывается наличие в сообществе и вокруг него инициаторов ревитализации и тех, кто готов менять собственные языковые практики и активно использовать миноритарный язык в тех контекстах, которые прежде считались для него «неподходящими», например общение с детьми и внуками или выступление в суде.

Вопрос об **акторах** или заинтересованных участниках ревитализации чрезвычайно важен для этой книги и будет возникать в разных главах. Тут нужно отметить, что, как и в случае с другими задачами ЯПП, инициативы по сохранению или ревитализации исчезающих языков могут исходить извне или изнутри сообщества, а также быть организованы «сверху» или появляться в результате движения «снизу» (*top-down* или *bottom-up*).

Экспертизу проектов могут осуществлять как лингвисты, так и сами носители языка. Как отмечает автор статьи о преподавании исчезающего языка арапахо (Arapaho), он опирался не на существующие теории, а на опыт преподавания [Greymorning, 2018]. Таким образом, носитель языка выступает в роли педагога-практика, а затем исследователя ревитализации, суммирующего удачные и неудачные решения в процессе преподавания исчезающего языка. Сочетание практического опыта с обсуждением методик и технологий, известных в других контекстах, представляется эффективным решением. Представители сообщества могут отвергать экспертизу извне: Л. Хинтон рассматривает «орфографические войны» на примере сообществ носителей коренных языков Америки, которые отвергают практичные системы письма, разработанные лингвистами, и развивают орфографии на основе английского письма [Hinton, 2014]. Она разделяет соображения, вызванные внутренними характеристиками идиома (какая система записи больше подходит для передачи звуков этого языка) и внешними факторами, например стремление выбрать для ряда аборигенных языков Америки орфографические решения, похожие на английское правописание [Ibid.].

Что **происходит с языком** при ревитализации? Лингвистические последствия ревитализации тесно связаны с языковыми

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru